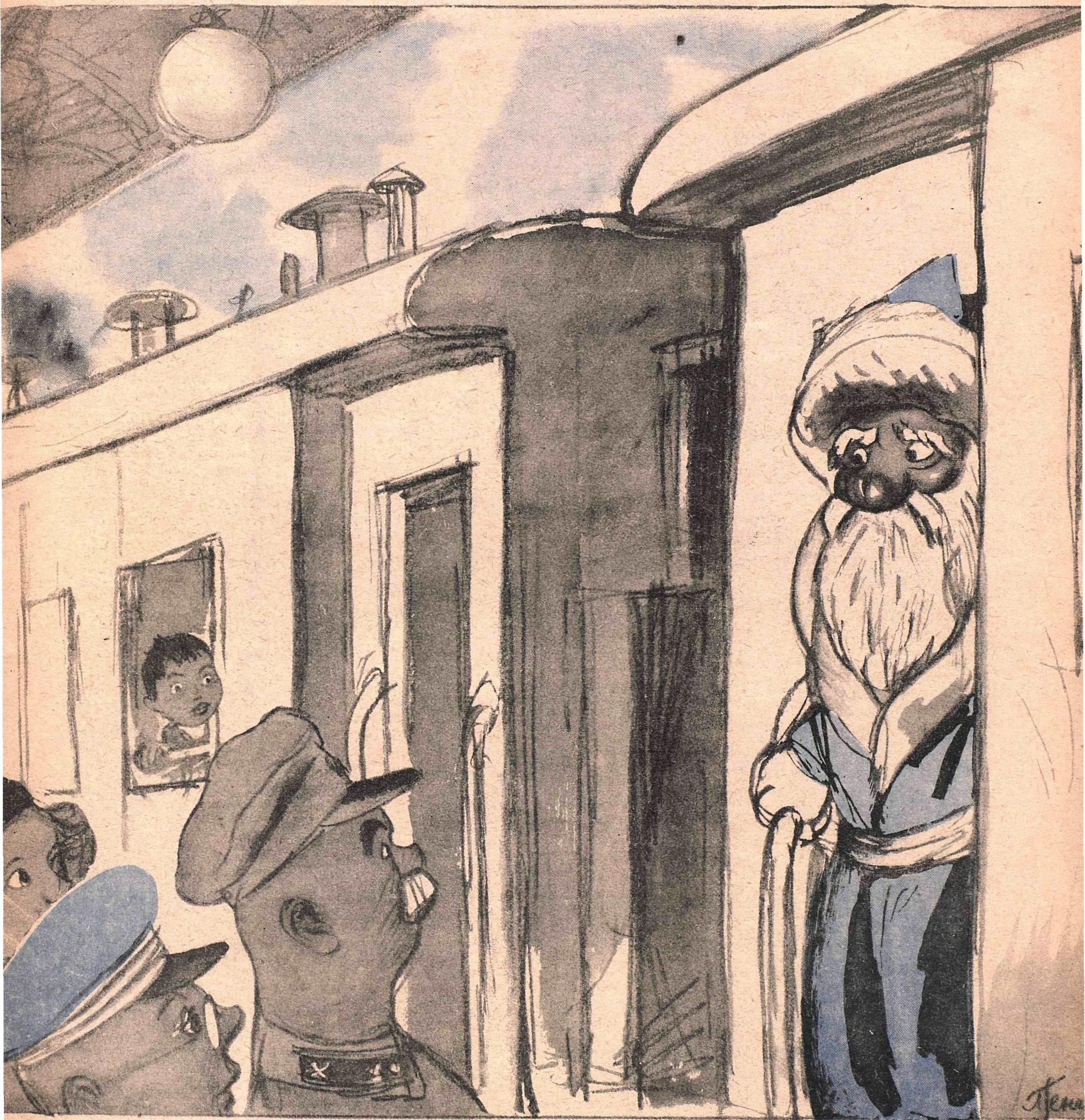

К Р О К О Д И Л

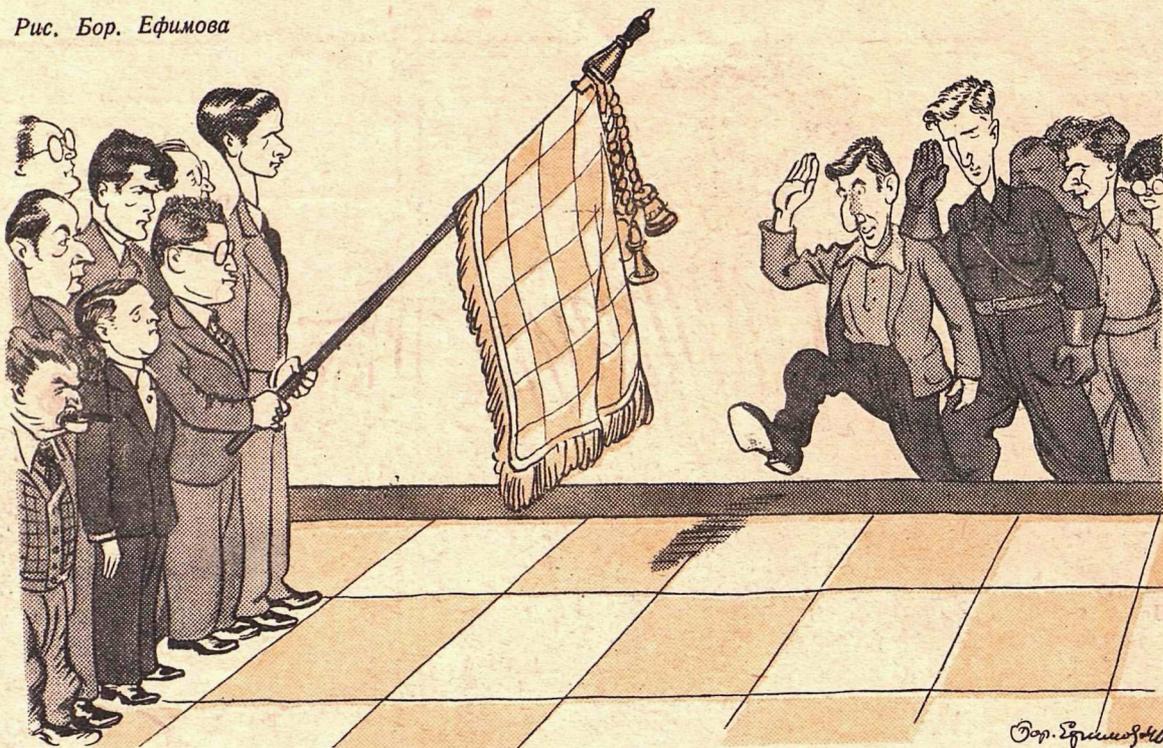

ХИТРЫЙ СТАРИК

Рис. Л. Генча

— Что это вы к нам в октябре, дедушка Мороз? Вы же новогодний.
 — А я нарочно приехал, товарищи железнодорожники, чтобы вы обо мне не забывали.

К 556/41г

Новые фигуры на мировом шахматном поле.
(Бондаревский, Смыслов, Болеславский и другие молодые советские мастера).

Траурное совещание

НА СОВЕЩАНИЕ в кабинете директора театра все собирались с такими лицами, как будто речь должна была идти о смерти и похоронах всем дорогого человека. Никакого регламента не было. Вообще это было не заседание, а как бы тихая беседа в комнате рядом с покойником. Сперва все молчали, а потом заговорил предместкома — по основной своей работе малоталантливый актер второго положения:

— Я вчера заглянул в зрительный зал к третьему акту — семнадцать человек сидело, и то своих четверо. Я подсчитал.

Ведущая актриса, которая вчера играла главную роль, замахала руками:

— Ну, положим, в начале спектакля было двадцать девять человек, а потом, действительно, разошлись. И как не разойтись, когда так страшно в зрительном зале!.. Во втором акте у нас картина во дворце, так на сцене народу раз в восемь больше чем в зрительном зале. Конечно, зрители обиделись.

Директор театра издал протяжный вздох и с тоской посмотрел на замдиректора (как во многих театрах, директор сам ничего не делал, а главным образом рассчитывал на силы замдиректора). Художественный руководитель — человек с печатью гения на челе, который еще год тому назад вел себя как очень необходимая государству личность, а сейчас имел лицо несостоятельного должника, — промолвил не совсем уверенным голосом:

— Все потому, что не дали мне поставить «Заговор Фиеско» так, как я хотел.

— Это с пожаром среди публики? — пренебрежительно спросил замдиректора. — С поливкой из брандспойта бельэтажа и с шутихами во втором ярусе? Теперь о таком формализме пишут не критики, а прямо прокурор.

Художественный руководитель собрал последние силы и отвернулся с мимикой и жестами гения, а не должника.

— Что же делать?! Что же делать?! — простонал директор и снова поглядел на своего зама.

Ведущая актриса зашептала тем железным щелчком, который не покидает настоящих инженеров до семидесяти лет:

— Товарищи, есть выход! Давайте поставим старую французскую комедию «Богиня курорта». Там есть такая прелестная женская роль: понимаете ли, очаровательная молодая девушка девятнадцати лет, мимо которой никто не может пройти без того, чтобы...

— Ну, вот видите: девушке девятнадцать лет, а вам, славу богу, сорок пять, — грубо перебил администратор. — Ничего у вас и не выйдет!

Ведущая актриса сперва поперхнулась, потом прищурила глаза и смерила администратора взглядом № 7-бис (презрение с гневом, с обладанием презрения).

Директор после паузы опять заскулил:

— А ведь вот в театре имени Лопе де Вега есть же сборы...

— Да, да, да, — подхватил администратор, — а у нас на исторической пьесе никого нету, только роскошь есть! Одного газета триста сорок четыре метра, не считая фидешина и мадаполама. А у лопедевеговцев публика ходит на пьесу из шахтерской жизни.

— Кадры надо обновлять, — сказал предместкома, — надо выдвигать новых исполнителей. Например я уже год прошу, чтобы мне дали роль Вергуччио, и что же? До сих пор никто со мной не занимается этой ролью.

— Слушай, поди ты со своей ролью!.. — сказал администратор, который твердо знал, что администратор в театре должен брать на себя все неприятные операции.

Бухгалтер, который до сих пор молчал, вдруг произнес:

— Удивляюсь, почему зритель может ходить в этот театр Лопе де Вега? Там еще за прошлый год баланс не сведен.

Ему никто не ответил. Замдиректора обратился к старшему кассиру:

— Александр Федосеевич, расскажите хоть вы нам, кто и как у нас покупает билеты.

— Почти никто не покупает, — ответил кассир, — о чем тут говорить?

Помолчали. Повздыхали. Заговорил снова администратор:

— Конечно, кто же пойдет к нам покупать билеты, когда у нас в кассе цепная собака сидит?

— Это вы про меня? — вяло поинтересовался кассир.

— Про вас, а то про кого же? Вы его спросите, сколько зрителей уходит в середине операции.

— Какой операции?

— Ну, покупки билетов. Если уж кто надумает покупать, подойдет к окошку, Александр Федосеевич на него два раза твякнет и — будьте здоровы!

Кассир снисходительно улыбнулся:

— Было бы на кого твякать, я был бы счастливым человеком!

— А вы не твякайте, больше будет народу.

— Нет, и не просите. Я желаю зрителя воспытывать, я ему потакать не буду.

— Куда ж потакать! У вас зритель другой раз полчаса дожидается, пока вы чай допьете.

— Правильно. Кассир есть человек, а зритель — нет.

— Почему нет?

— Потому. Раз он, дурак, к нам в театр приходит, о чем я с ним могу разговаривать?

Все отвернулись от кассира и опять помолчали. Потом заговорил ведущий актер:

— А что ж все-таки делать? Может быть, поставим один фарс. Я в молодости его играл. Очень смешная вещь. Понимаете, один герцог пришел жениться к маркизе, и вдруг у него упали штаны... Ну, публику просто выносили из зрительного зала.

— А теперь не выносят.

— Зрителей не выносят?

— Нет, зрители не выносят такой чепухи. Опять все замолчали и молчали так долго, что курьерша, сидевшая перед кабинетом, с любопытством открыла дверь и посмотрела.

— Ну, чего окуцаете? — спросила она. — Раз не можете справиться со своим делом, так и скажите своему начальству: так, мол, и так, гоните, мол, нас в шею, а театр тем препоручите, кто это дело знает!.. Ну?!

Собравшиеся не ответили даже вздохом. Была тишина. Тишина...

В. АРДОВ

В Краматорске один рабкор узнал, что в родном его городе группа неизвестных лиц расхитила электроэнергию на 20 000 рублей. А другая группа, наоборот, хорошо известных лиц, задолжала городу за пользование электроэнергией 165 000 рублей. И вот стал наш рабкор и призадумался: куда идти, кому сказать?

Ну, долго ли, коротко ли, решил он пойти к начальнику горкомхоза Кишкину. Но до него не дошел: оказалось, что это высокое начальство само не платит за свет месяцев вот уже восемь. Тогда наш ходок направился к начальнику городского электроотдела Иванову. Но и к нему дойти не довелось: этот по задолженности целиком шел в ногу с Кишкиным. Встретились тут рабкору сотрудники горэлектротдела Лавриенко и Мулый, — вздумал он к ним обратиться. Но и от этой мысли пришлось отказаться: ребята, вполне разделяя точку зрения начальства, также не платили за электроэнергию что-то около года.

— В суд! В суд! — воскликнул тогда наш друг, направив свои стопы к камере народного судьи Исаева.

Но уже по пути узнал, что Исаев тоже задолжал электростанции годика за полтора.

— Тогда в редакцию! Скорей в газету! К редактору «Краматорской правды» Мирошниченко.

Но редактор, хоть он, правда, ничего электростанции не задолжал, однако заниматься этим делом отказался. И пошел тогда рабкор...

Никуда он больше ходить не стал. Так сказка недосказанной и осталась.

О ПРИРОДЕ ВЗЯТКИ

Стародавняя наука о природе взятки пополнилась новым вкладом.

— Иные времена, другая струя в этом деле требуется, — сказал Бунчук, старший стрелочник станции Снегиревка. — Тут нужна тонкость соблюсти. Чтоб все было по форме, так сказать, на законном основании...

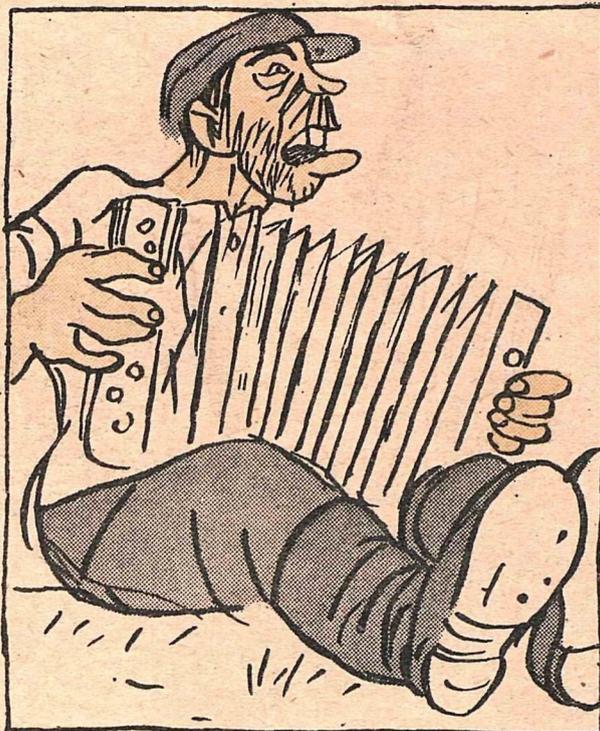
И Бунчук показал, как надо теорию соединять с практикой.

К нему обратился стрелочник Слесарь с просьбой дать на несколько дней отпуск накопить сена.

— Так-с, — глубокомысленно заметил Бунчук. — Сено — это продукт питания животных, а табель — ведомость явки на работу. Предметы, правда, разные. Но мы порешим дело таким манером. Ты мне, гражданин Слесарь, накопишь полторы арбы сена, а я за это буду каждый день отмечать тебя в табеле как работающего...

Две руки скрепили договор соглашения. Слесарь полторы недели косил сено, а Бунчук в это время оную личность отмечал в табеле.

Говорят, что подобное «соглашение» прошло незамеченным на станции Снегиревка. Жаль!

Ильин день.

Петров день.

Макарьев день.

И в соответствии с этим — трудодень.

ЧУВСТВО МЕРЫ

Некоторым людям не хватает чувства меры. Отсутствие этого прекрасного качества часто ставит их не только в тяжелое, но и в смешное положение. В газете «Ленинский путь» № 70 за 19 июля опубликовано «Обязательное решение», которое в часы творческого вдохновения сочинили врид. председателя исполкома Федоровского районного совета (Казахстан) Мамбетов и секретарь Осипов.

В целях борьбы с грубым нарушением «правил внутреннего распорядка общественной тишины» федоровские мудрецы «решили воспретить распивку спиртных напитков на площадях, грубое обращение отдельных лиц с гражданами, учинение нецензурных записок, вымазывание разными веществами строений и заборов, выбрасывание сельхозинвентаря на улицу, наконец, пение нецензурных песен и поломку деревьев».

Легко представить себе, как были убиты горем все федоровские хулиганы, дебоширы, пьяницы, «учинители» нецензурных записок! Но вот, прочитав заключительные строки, венчающие «обязательное решение», о том, что оно действительно на территории района всего на один год, они все заулыбались: — Ну, слава тебе! Год — не вечность... Двенадцать месяцев как-нибудь выдержим...

Рис. Бор. Ефимова

— Какая досада! На фронте я потерял 280 пулеметов. Как бы они сейчасгодились против французских рабочих!

ВНИМАНИЮ ЧЕХОВЕДОВ

Вы помните маленький—на три странички—рассказ Чехова «Мыслитель», где тюремный смотритель Яшкин горько сетует по поводу лишнего знака препинания в русском языке? Наверное, помните.

Обратили ли вы внимание на фразу Яшкина, полную загадочного смысла:

«...Никакого значения не имеют ваши знаки. Одно только мудрование... Наставит десяток запятых в одной строчке и думает, что он умный. А иной фразант, мало ему одной точки, возьмет и натыкает их целый ряд...»

Прошло после опубликования чеховского рассказа пятьдесят пять лет, но до сих пор никто так и не мог расшифровать, кто же был тот фразант, которому мало было одной точки.

Кого именно имел в виду Антон Павлович? Этот вопрос долгое время волновал пытливые умы литераторов-чеховедов.

И вдруг 4 сентября 1940 года в мелитопольской газете «Радяньський степ» появляется очерк Н. Фельдмана «Председатель колхоза», и чеховская загадка неожиданно получает свое разрешение.

Читаешь очерк Н. Фельдмана и не знаешь, чего там больше, слов или точек.

«Осень. Смеркает. Дорога, поросшая зеленью. Села. Идут мужчины, женщины. Поют девушки. Лихтану. Небольшой поселок. Колхоз

имени Кагановича. Отстающее хозяйство. Большой скот.

С тех пор прошло три года. Люди изменились. Поговорите с ними.

Хозяйство совсем другое. 987 гектаров. Пахотная земля. Пшеница. Рожь. Ячмень. Овес. Просо. Подсолнух. Кукуруза. Хлопок. Молодой сад. Виноградник.

Очаги заболеваний ликвидированы. Фермы. Коровы. Свиньи. Овцы. Птицы. И конферма будет.

...Идет время. Строится колхоз. Электростанция. Мастерская по дереву. Кузня. Конюшня. Коровник. Птичник. 12 домов».

В чеховском рассказе «Мыслитель» оппонент Яшкина, штатный смотритель уездного училища Пимфов, пытался обосновать наличие знаков препинания требованиями науки. На это Яшкин ответил:

«— Наука... Умопомрачение, а не наука... Для форсу выдумали... Пыль в глаза пущать...» Читая некоторые литературные произведения в мелитопольской газете, нельзя не признать резонанс суждений Яшкина.

Именно для форсу пишет Н. Фельдман свой очерк, а редактор Г. Масев его радушно печатает.

Для читателей мелитопольской газеты, конечно, сплошной урон, но зато одной литературной загадкой стало меньше.

Добрый Милкин

ПРЕДСЕДАТЕЛЬНИЦА месткома сказала голосом, не допускающим возражений:

— Побольше бы у нас таких Милкиных. Отзывчивый, не бюрократ. Таких людей мы должны...

И все уже догадывались по выражению лица председательницы, что именно мы должны уважать, хвалить и ценить.

Делопроизводитель Милкин сидел тихий, скромный и думал: «Конечно, бывают люди умные, как например председательница, бывают красивые, как машинистка Анна Марковна, только она хоть и красивая, но злая. Еще даже стихи такие есть: «Прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла...» А вот он, Милкин, добрый. И все это знают, и, пожалуй, добрым быть лучше всего».

Он любил себя за доброту и уважал за отсутствие подхалимства:

— Я и для директора с удовольствием сделаю и уборщице ни в чем не откажу.

Он сидел за своим раскидистым бюро, похожим на обширную музейную брочку, снятую с колес. В ящиках и ящичках бюро помещались разноцветные папки с тесемочками, перья в коробочках, а в особой коробочке— заветные «рондо» для любителей, блокноты всевозможных форматов и на разные цены— от двадцатикопеечных для завхоза до директорских на девять рублей,— карандаши, среди которых особое место занимали толстые синие, председательские, созданные специально для того, чтобы стучать ими по столу.

В потайном отделении лежали штампы, угловые и треугольные, и круглая печать. Милкин говорил про нее с уважением:

— Недаром всеми признано, что печать— это большая сила.

Делать добро Милкин начинал с утра, как только приходил в контору и садился за свое бюро. Например он подзывал курьершу Настасью и спрашивал:

— Ну, как, Настасья, комнату свою оклеила?

— Да где там, товарищ Милкин. Все никак с деньгами не соберусь обоев покрасивше купить.

— А я вот что надумал: возьми-ка ты у меня розовой настольной бумаги и оклей. Эй-богу! И лучше всяких твоих обоев получится, и деньги целее.

— Вы у нас, товарищ Милкин, прямо как отец родной!— говорила Настасья, свертывая бумагу в трубку.— За остальной я ужотко к вечеру забегу. Мерси вас не знай как.

— Ну, чего там, пустяки!— сердечно говорил Милкин.

Потом к нему обращался счетовод Саша:

— Милочка, голубчик, выручи: дай конвертика. Девушке, понимаешь, письмишко нацарапал, а конверта под рукой нет. А кабы ты девушку видел,— умереть!

— Ох, уж мне эти писакки-корреспонденты!— притворялся суровым Милкин и открывал один из ящиков.— Тяни! Да что ты один-то берешь? Бери сразу десяток, все равно ведь завтра опять прибежишь.

— Душа-человек!— восторгался Саша.

— А марки? Или ты доплатным пошлешь?

— Что ты, Милочка, чудовище! Девушке— да вдруг доплатным!

— То-то! Все вас учить надо,— усмехался Милкин и отрывал дорожку зеленых марок.

Однажды он положил на стол председательницы месткома дермантиновый, под мрамор, блокнот с выпуклыми розами, похожий на надгробную доску.

— Вот это вещь!— сказала председательница.

— Вам,— ласково улыбнулся Милкин.

— Хороший ты человек, Милкин,— просто сказала председательница.— У другого льду зимой не допросишься, а ты добрый человек.

— Полноте,— сказал тихо Милкин.— Если бы я вам дачу в Перловке подарил или пальто с котиковым воротником, а то — блокнот. Ерунда!

— А я уверена,— не без кокетства сказала председательница,— если бы ты дачными делами заправлял или там каким-нибудь готовым платьем, ты бы подарил. Ага, верно ведь?

— Подарил бы,— согласился Милкин.

Он представил себе, как он привез бы председательницу в Перловку и, ни слова ей не говоря, повел бы ее по тропинке в березовую рощицу. «Куда это мы?» — спросила бы председательница. «Туда, куда надо», — ответил бы он. Внезапно перед ними открылась бы полянка, а на ней голубенький домик с палисадником. В палисаднике флоксы, в огороде огурцы, а кругом колючая проволока. «Все это вам», — тихо сказал бы он председательнице, а та зарыдала бы благодарными слезами. И дети ее, маленькие детки, тоже рыдали бы вокруг Милкина от счастья. И, может быть, они повесили бы его портрет в спальне на этой даче и, просыпаясь по утрам, глядели бы на него любящими глазами. А Милкин вернулся бы к себе в кабинет и сделал бы только небольшую пометочку красным карандашом: «Дачу такую-то списать...»

— Подарил бы! — еще раз твердо сказал Милкин и, почувствовав, что в горле у него что-то ширится и пощипывает, быстро пошел к себе в комнату.

Его дождался командировочный с помятым, утомленным лицом, в мокром пальто.

«Бедный! — подумал Милкин.— Я тут сижу в тепле, а он мотается под дождем».

— Вам отметить? — вежливо спросил он, подумал с минуту, что бы такое доброе сделать для этого утомленного человека, и поставил на удостоверение лишний день, пригукнув круглой печатью.

— Вы не ошиблись? — спросил командировочный.

— Пять лет отмечаю и не ошибаюсь,— улыбнулся Милкин и добавил ласково: — И вы, дорогой товарищ, не ошибетесь, если сейчас сходите в баньку и денечек отдохнете. Верно я говорю?

Он вспомнил, как в таких случаях поступал агент Лысаков, человек с полным лицом в меру пыющего семьянина. Лысаков хлопал Милкина по плечу и говаривал:

— Таким людям, как ты, Милкин, надо при жизни венки с лентами подносить.

И теперь Милкин погулял и ждал, что командировочный тоже скажет что-нибудь теплое и волнующее.

— Это — безобразие! — сказал командировочный.

Милкин поднял на него глаза. «Неужели ему одного дня мало? — подумал он.— Ну, я два поставлю, разве мне жалко? Только деликатности в людях нет».

— Безобразие и преступление! — крикнул еще раз командировочный.— И я этого так не оставлю!

А через несколько дней председательница месткома говорила голосом, не допускающим возражений:

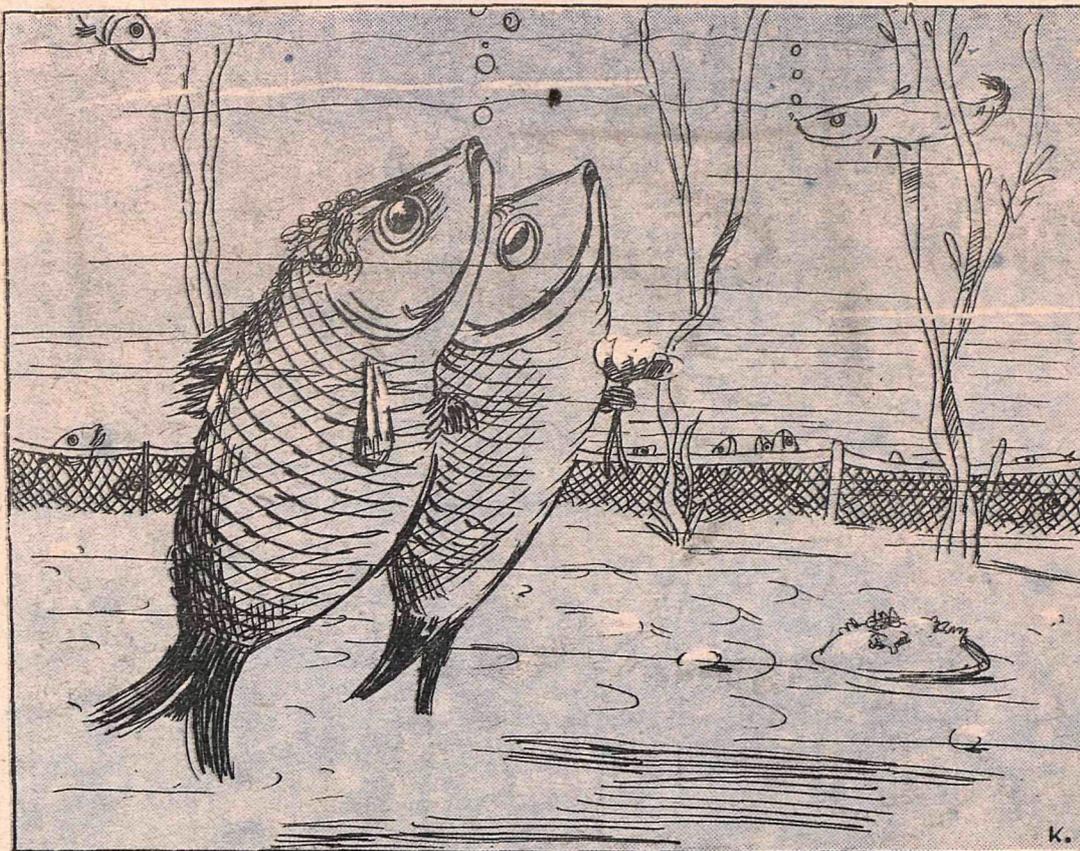
— Поменьше бы у нас таких Милкиных! Таких людей мы должны...

И все уже догадывались по выражению лица председательницы, что именно мы должны не уважать, ругать и разоблачать.

— Правильно! — сказала курьерша Настасья.— Очень уж его захвалили: добрый да добрый. А вот как нам теперь товарищ председательница, мерси ей не знай как, объяснила все подробно, так теперь нам все сразу ясно и понятно. И нам надо таких людей прямо-таки клеймить и безо всякого!..

Она очень любила выступать на собраниях, а кроме того она была зла на Милкина. Мало он ей дал розовой настольной бумаги, и на обклейку комнаты не хватало.

В. КАРБОВСКАЯ

— Не то обидно, что меня поймают, а то обидно, что меня, полную керченскую селедку, превратят на заводе „Власть труда“ в брак.

Справка

НА КРУГЛЫХ часах, висящих в заводском комитете, было без пяти десять. Солнечные зайчики бродили по длинному, покрытому кумачом столу, ерзали по стенам и потолку и, вздрагивая, останавливались над графином с водой. Вдоль стола и на всех свободных стульях сидели представители цехкомов, профорги и профсоюзные активисты.

— Так, товарищи,— сказал председатель завкома, комкая в пепельнице окурок папиросы, хмурясь и показывая, что он тут ни с кем не собирается в бирюльки играть,— так, товарищи, трое на бюллетене, семеро в отпуску. Не явилось по неуважительной причине шестнадцать. Вы все, товарищи, знаете, и те шестнадцать неявившихся тоже знают, что на повестке нашего собрания вопрос о трудовой дисциплине. Вы все понимаете, товарищи, какой это для всех нас на данном этапе волнующий вопрос. И поэтому, я думаю, мы неявившихся дожидаться не будем. Если этих товарищей вопрос о трудовой дисциплине не волнует, то, я думаю, товарищи, мы и без них можем обсудить данный волнующий вопрос.

Он торопливо перелистал несколько страничек в раскрытом блокноте, нашел нужные ему факты и цифры и вдруг увидел, что один из сидящих с краю у стола поднял руку.

— В чем дело, товарищ? — недовольно спросил предзавкома, досадуя, что его перебивают на самом, можно сказать, взлете.— Прения после доклада, товарищ!

— Разрешите справку! — попросил поднявший руку.

— Справки в конце собрания, товарищ,— отрезал председатель завкома.

И, вернувшись к цифрам и фактам из развернутого блокнота, он продолжал:

— ...Мы имеем по механическому цеху на сегодняшний день, товарищи, слишком высокий процент невыполнения. Мы не имеем,

товарищи, на сегодняшний день выполнения плана по кузнечному и литейному цехам. А что мы имеем на участках и бригадах? Мы имеем, товарищи, отдельные показатели, но мы, товарищи, еще не имеем...

Товарищ, сидящий с краю, вторично попросил слова для справки. Слова ему не дали.

— Выступишь в прениях,— сказали за столом.

— Нет, в прениях я выступать не умею,— покачал головой товарищ,— у меня только справка!

Заседание продолжалось.

Звеньящим, как металл, голосом председатель заводского комитета говорил собравшимся о том, что завком не намерен поощрять прогульщиков, дезорганизаторов и срывщиков производства.

И опять поднял руку тот, крайний за столом.

— Подожди ты со своей справкой! — рассердился предзавкома.— Справки в конце собрания!..

После предзавкома выступали председатели цехкомов, потом говорили профорги, потом брали слово активисты. Потом собравшиеся обсуждали проект резолюции. Потом принимали резолюцию в целом, потом — по пунктам. Наконец дошла очередь и до справки.

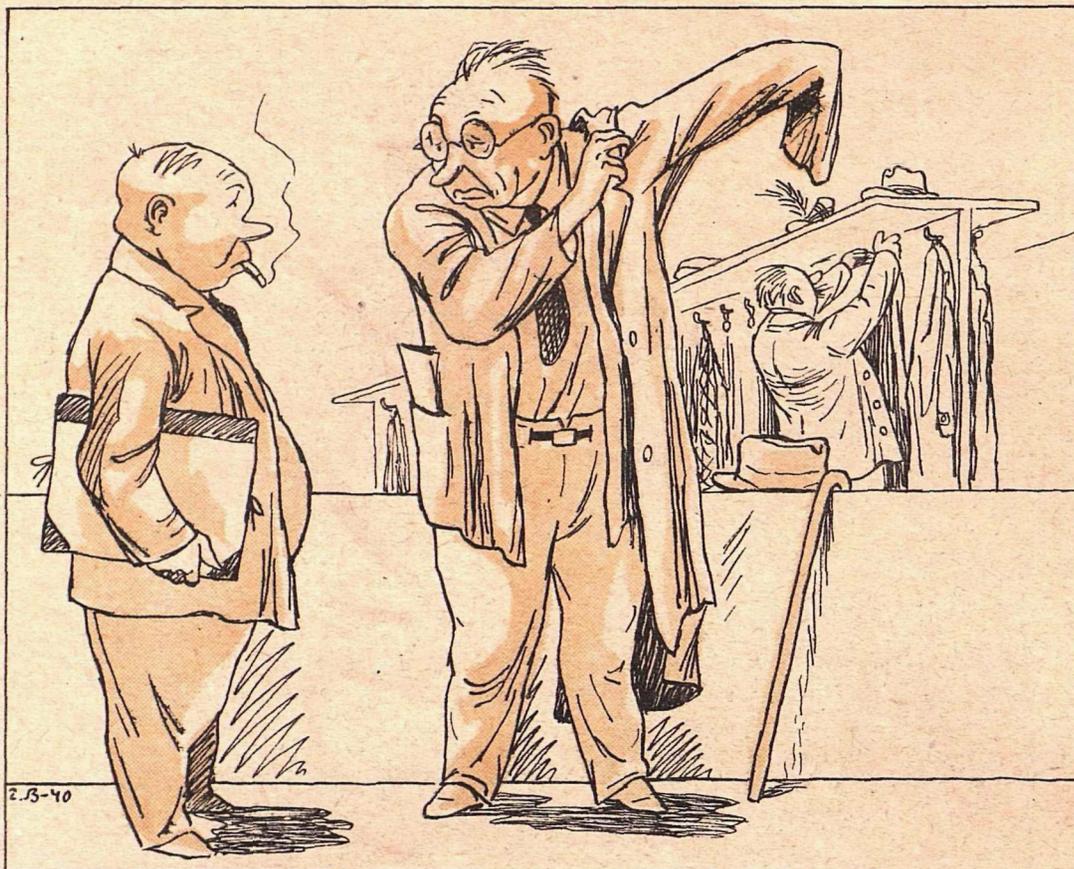
— Только покорооче, товарищ! — предупредил председатель.

— Я недолго,— кивнул головой товарищ,— я хотел только сказать, что мы, между прочим, заседаем в рабочее время. Сколько мы уже заседаем? А работа стоит, а мы тут сидим. Вот. Все!

— Все? — деловито переспросил председатель завкома и уверенно, как опытный водитель, повел собрание к финишу.

Л. МИТНИЦКИЙ

Рис. Г. Валька

2.13-40

— Трудно договориться с вашим учреждением. Я хочу получить должность, а мне предлагают работу.

О грибах

ДВА гражданина сидели за одним столиком в ресторане. Назовем их (да простит нас А. П. Чехов) просто—Тонкий и Толстый. До этого они не были знакомы друг с другом, но тут, поскольку судьбе было угодно сделать их на некоторое время соседями, они, как это часто бывает в ресторанах, разговорились. А поводом к разговору послужило то обстоятельство, что Тонкому хотелось покушать грибов, но в меню их не оказалось. И Тонкий стал возмущаться:

— Безобразие! Грибов в текущем году уйма, а у них это дефицитный продукт! Можно подумать, что грибы у нас—такая же редкость, как артишоки!

Толстый на это возмущение Тонкого сначала никак не реагировал, а потом добродушно улыбнулся и сказал:

— Между прочим, грибов в этом году было действительно много. Прямо сказать, сила! Мы, бывало, на даче всей, так сказать, семейной бригадой ходили в лес за грибами. Очень полезное, приятное и веселое занятие! Семейную бригаду свою мы наименовали «грибадой»; я в ней, как старший, был «грибадином»; остальные же в зависимости от методов сбора грибов, свойственных тому или иному члену «грибады», назывались «гриболовами» или «грибокопателями».

И, хотя нужно сказать прямо, уменя собирать грибы нам не хватало, зато сколько было у нас проектов! Мы проектировали, например, изобретение «грибоскопа» — специального оптического прибора, от которого не смог бы укрыться ни один гриб. Проектировали мы также применение специальной дрессировки собак, чтобы они делали на грибы стойку. А то еще был проект спаривания грибов с какой-нибудь певчей птичкой, вроде кукушки. Очень интересный гибрид получился бы!

Представьте себе: приб кукует! Да ведь такой гриб найти — плевое дело! Нужно сказать, что главная трудность у нас была не в том, чтобы найти гриб — сами изволили отметить, что в этом году их было много, — а вот определить качество найденного гриба — это куда сложнее! У нас чуть ли не вокруг каждого экземпляра разгорались дискуссионные страсти. «Боровик!» — кричит, бывало, мой младший сынок, Васютка. «Ничего подобного! — возражает ему Петя. — Мухомор чистойшей воды!» «Груздь! Груздь!» — подпрыгивая, утверждает Веруша. «Мне кажется, дети, что это опенок», — неуверенно говорит жена. «Сморчок!» — беспартийно констатирует дядя Федя (он у нас не «гриболов» и не «грибокопатель»: он «грибоед»). Тогда призывают меня в качестве арбитра. Я с видом знатока осматриваю предмет спора и заявляю: «Типичнейший бообаб!» Ребята дружно хохочут и разъясняют мне, что, во-первых, надо говорить не «бообаб», а «баобаб» и что, во-вторых, так называется не гриб, а колоссальное тропическое дерево, произрастающее в Южной Африке. В конце концов, мы приступили к голосованию, которым и решалась судьба найденного гриба: он либо выбрасывался либо оставался в корзине на усмотрение нашего главного «грибмейстера» — бабушки. А бабушка решала вопрос до гениальности просто: она знает и признает поэтому только три вида грибов: белые, масленки и рыжики; все остальное — «от лукавого», то есть поганки! И все-таки, представьте себе, несмотря даже на такие неблагоприятные, объективные, так сказать, условия, грибов у нас теперь во всех видах — хоть завались, на всю зиму!

Толстый самодовольно улыбнулся.

— Послушайте! — воскликнул Тонкий. — Почему вы не опишете все то, о чем рассказывали сейчас? Ведь это же замечательный материал для юмористического рассказа!

— Вы думаете? — сказал Толстый, слегка покраснев от смущения.

— Я убежден! Уверен!

— Что ж... возможно, что вы и правы... надо попробовать...

— Обязательно! Непременно! — горячо подхватил Тонкий. — Только не забудьте: чтобы сделать рассказ актуальнее, заверните покрепче концовку! Вот, мол, полюбитесь: люди, ничего не понимающие в грибах, действуя кустарно, в одиноличном порядке, сумели шутя, между делом, обеспечить себя грибами на всю зиму! А что вы сделали, товарищи из Облпищепрома? Почему проспал заготовку грибов ваш директор?

— Ну уж это вы того... неудобно... — Толстый заерзал на стуле. — Я немножко знаком с этим самым, с директором... В общем и целом он ничего, неплохой парень.

— Болтун и очковтиратель! — отрезал Тонкий. — У меня есть факты! — Тонкий вытащил из портфеля старый, измятый номер газеты. — Вот здесь напечатано его выступление о заготовительных планах, в частности и о грибах. Наобещал, как говорится, «семь верст до небес и все лесом». Я специально раскопал этот номерок: сам хотел написать заметку «о невыполненных обещаниях». Кстати, тут и его портрет — вот полюбитесь на этого хвасту...

Тонкий перевел глаза с газетной фотографии директора на собеседника и поперхнулся на полуслове: перед ним с полной несомненностью был... сам директор.

— М-да... — сказал Тонкий. — Теперь я вижу, что вам писать этот рассказ действительно «неудобно».

Толстый сначала покраснел, как подосиновик, потом позеленел, как прудзд, и, быстро расплатившись, вышел.

Н. КОЛЕСНИКОВ

Короткие рассказы

СТЫДИТЕЛЬ

Из группкома в ресторан послали Кулькова: — Ты, товарищ Кульков, проводи там культурно-массовую работу. Пристыди их, ведь есть товарищи, которые по три месяца в союз не платят.

— Ладно. Пристыжжу.

Кульков инкогнито просидел вечер в ресторане, поужинал, после закрытия собрал всех и сказал:

— Товарищи! Я вот из группкома. Ведь стыд берет, глядя на вас... Вы люди сознательные, члены профсоюза, прекрасно зарабатываете, а в союз у вас задолженность. Вот возьмем товарища Рогожкина, вы за крайним столиком подавали. Да за сегодняшний вечер вы чашевых рублей тридцать насобирали. Насобирали ведь?

— Насобирал, — мрачно ответил Рогожкин.

— Вот видите, а в профсоюз у вас три месяца не платено. Ведь это позор, настоящий позор! Или вот вы, товарищ Пантелеев. Ведь вы вот с трех льяных три раза за одно блюдо получили... А в профсоюз у вас задолженность за четыре месяца. Срам! Тем более, платите всего с основной ставки... Срам, срам!

Назавтра в группкоме спросили Кулькова:

— Ну как, пристыдил неплательщиков?

— Я-то? Еще как пристыдил!

КАК

На общем собрании один из колхозников сказал о председателе:

— Иван Захарович работал как лошадь.

Колхозники засмеялись. Председатель покраснел и пробормотал:

— Действительно, с лошадьми промашка вышла. Ничего они не работали летом, только разве на базар кого свозят.

— Ну, я извинюсь, — продолжал колхозник, — тогда Иван Захарович работал как вол.

Громкий смех заглушил сердитое покашливание председателя. И чей-то голос добавил:

— Да, уж волы у нас еще чище лошадей разленились: хоть домкратом с земли их отдирай!

В. ТОВОЛЯКОВ

— В этом суде все роли заранее распределены: обвиняются старые министры, обвиняют новые министры, а наказание несет французский народ.

СПРАВКА ПО СУЩЕСТВУ

Гусь-Хрустальный может похвалиться замечательным товарищем, председателем фабрично-заводского комитета на стекольном заводе имени Дзержинского Гайтановым.

В один прекрасный день Гайтанов выдал следующую справку, заверенную собственноручной подписью и приложением завкомовской печати:

«Дана настоящая заводскому комитету стекольного завода имени Дзержинского в том, что я, Гайтанов Павел Иванович, действительно находился пьяным и не работал с 12 часов 26 августа и по настоящее время меня не могут найти ввиду моего такого состояния.»

Пред. ФЗК Гайтанов».

Неужели оригинальный товарищ так и не найден?

Впрочем, потеря небольшая.

О ПРОКУРОРЕ, КАК ТАКОВОМ

О важности Осоавиахима не может быть двух мнений. Но с каких это пор для участия в осоавиахимовской работе требуется вмешательство и содействие органов прокуратуры? Поче-

му в Луховицком районе (Московской области) все директивы по Осоавиахиму рассылаются от имени прокуратуры?

Совсем недавно директор районной типографии получил официальную бумажку от районного прокурора. Прочитав сие послание, директор zelo удивился. И было от чего удивляться. Бумажка гласила:

«Прокуратура Луховицкого района просит перевести вашу сотрудницу Политову из второй смены в первую, так как таковая занимается в Осоавиахиме, и таковой не представляется возможным заниматься в таковом.»

Прокурор М. Корнилов».

Из какой бумажки следует заключить, что М. Корнилов, как таковой, числясь в прокуратуре, не склонен понимать, чем, собственно, он должен заниматься в таковой.

ИНТЕРЕСНОЕ ОТКРЫТИЕ

Научная мысль на одном месте, конечно, не стоит. Она помаленьку двигается и делает свое дело то в одной области, то в другой.

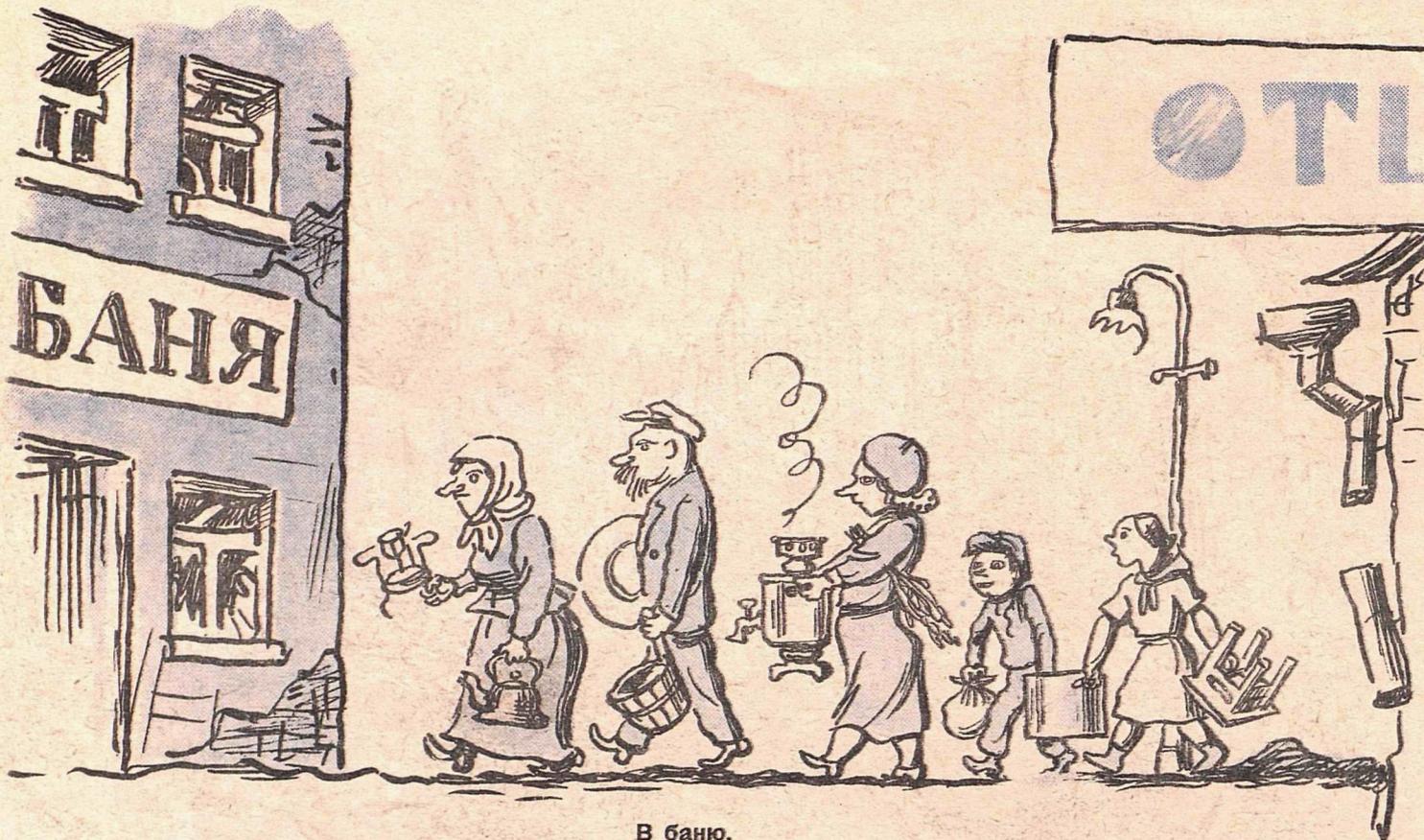
До сих пор, например, о лошадях было известно, что овес и фуражную муку они опре-

деленно кушают. Но станут ли они принимать эти деликатесы, если их приправить, скажем, керосином, — это еще научно установлено не было: эта проблема еще ждала своего разрешения. И вот, наконец, на нее пролит нужный свет. И сделали это открытие два скромных советских работника — управляющий мордовским отделением лесоразработок «Жигули» Ишполитов и заведующий там же обозом Гришкин.

Чтобы выяснить, воруют ли, нет ли фуражную муку вверенные ему конюхи, Ишполитов отдал Гришкину приказ «для опыта» опрыскать фуражную муку керосином. Интересный опыт осуществлен. И что же оказалось? А то, что лошади употребить в пищу «подопытную муку» решительно отказались и на этой почве пять дней голодали.

В конце концов делом занялась милиция. Она установила: во-первых, что надобности в постановке этой научно-исследовательской работы не было, поскольку конюхи работали честно; во-вторых, что «для пробы» Ишполитов облил керосином целых 2 центнера муки, т. е. весь наличный запас фуража...

Нам почему-то думается, что тут не только от муки, — от всего хозяйничанья Ишполитова скверно пахнет...

В баню.

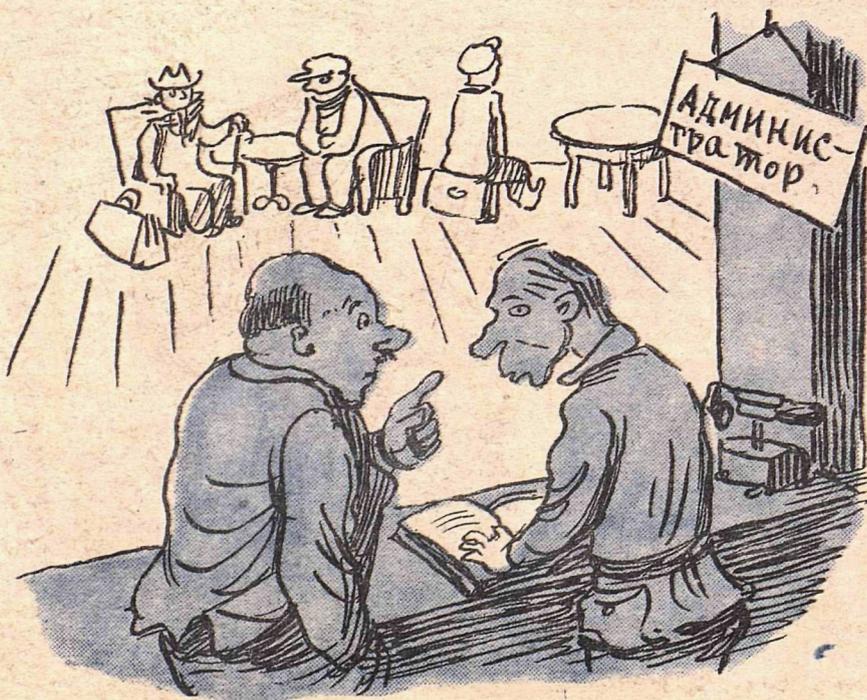
Пензенскому
и Ви
городским
Крокодил о
посвящает

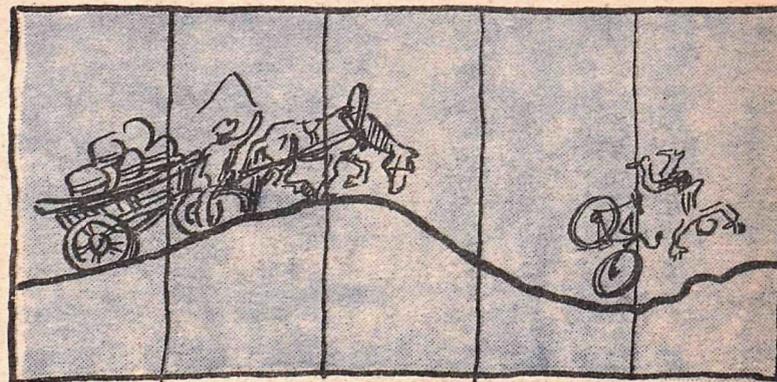
— В этой парикмахерской ужасно обслуживают.
— Зато отлично обслуживает скорая помощь.

Неравный

— Так как номера в верхнем этаже протекают, то их сдавайте приезжающим в калошах и с зонтиками. А холодные номера нижнего этажа заселяйте приезжими в шубах.

Кривая раб

ГОРОДА

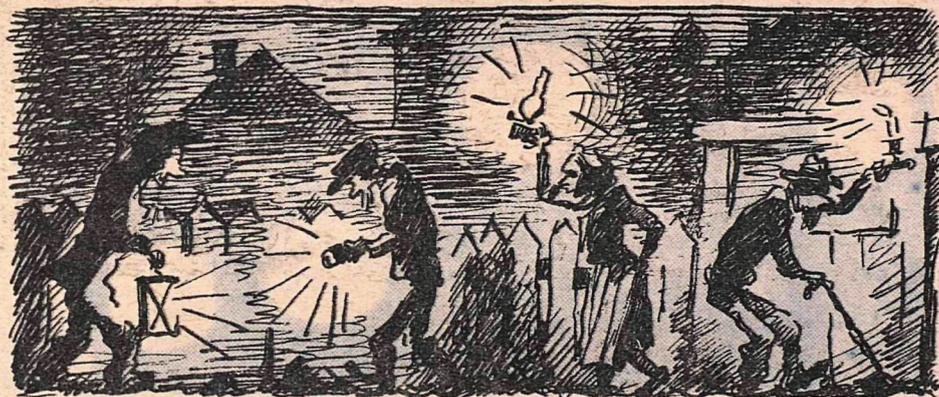
у, Ирбитскому
иницкому
и советам
прискорбием
эту страницу

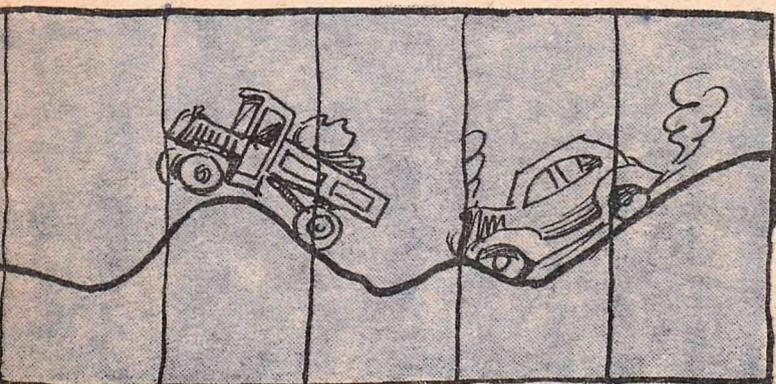
Город перевыполнил план по соблюдению правил уличного движения.

бой.

— А еще говорят, что наш город плохо освещен!

оты горсовета.

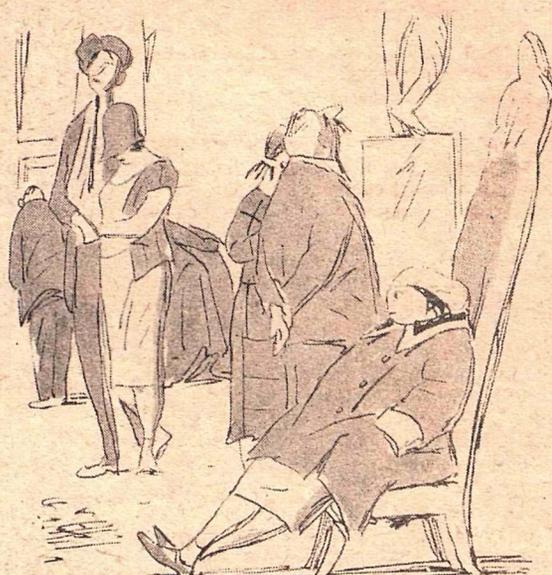
— Пожар! Скорее пожарную бочку!

— Сейчас, сейчас! Дайте только вытащить из нее огурцы.

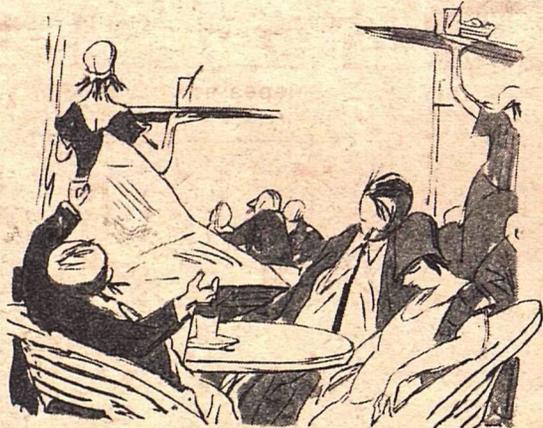
Рис. Л. Сойфергиса

1. Влюбленным хотелось побыть наедине, но в сквере было много народу.
— Пойдем в музей,— сказал он,— там тихо, пусто и никто не помешает нам мечтать о нашем счастье.

2. Но в музее было много народу. Культурный уровень в настоящее время значительно поднялся и население с удовольствием ходило рассматривать произведения искусства.
Тогда она сказала:
— Пойдем в кафе.

3. Как нарочно трест кафе и ресторанов поднял свою работу на высшую ступень, и от посетителей в кафе не было отбоя.
— Все пропало,— прошептали влюбленные.
— Знаешь что,— сказал он,— раз мы все равно не можем побыть вдвоем, пойдем в клуб, повеселимся.

4. И в клубе влюбленным неожиданно повезло.
Весь вечер они просидели вдвоем, так как именно в этот вечер дирекция клуба запроектировала большое массовое мероприятие.

Утро делового человека

САМЫМ трудным отрезком времени во всем служебном дне является, несомненно, утро. Именно те часы, которые предваряют появление делового человека под крышей учреждения и счастливый момент, когда жетонный номерок благополучно занимает свое место на гвозде в ящике «присутствующих».

До этого мгновения все помыслы и действия делового человека направлены на то, чтобы в срок превратиться из отсутствующего в присутствующего.

Часовые стрелки будильника по утрам, как назло, бегут ужасно быстро. Электрический

чайник закипает ужасно медленно. Уборная кем-то занята дьявольски долго.

Панели по утрам какие-то возмутительно неудобные. Ребяшки так и лезут под ноги, а трамвай... трамвай словно проваливается, словно чорт его уносит с лица земли!

Словом, все абсолютно отвратительно на всей дистанции пробега, вплоть до ящика с номерами.

Зато здесь резкий перелом. Цель достигнута. «Нам некуда больше спешить».

Быстрота, напор, напряжение мышц и воли остались по ту сторону ящика.

Ящик — это условный знак финиша.

Довольно! Основная работа выполнена. Теперь можно и отдохнуть, имея впереди достаточный запас времени и вполне сносные условия для отдыха (комната, стул, буфет, столовая, газета, телефон).

Распрыгавшееся сердце входит в норму. Кровь начинает обращаться спокойно.

Пульс нормальный, дыхание ровное.

— Алло? Дайте город. Марья Романовна? Здравствуйте. Доброго утра... Ничего нового. Уже на работе. А что у вас?

Впрочем, иногда обстоятельства складываются иначе.

Предстоящий день условлено провести с Марьей Романовной в симпатичной загородной поездке. Какие перспективы! Боже мой!

Если доящиковое поведение в это утро остается тем же, то после ящика оно меняется вкоре.

Теперь деловой человек не сбавляет темпа, не спешит успокоить сердце.

Тяжело дыша, он устремляется в кабинет Павла Павлыча.

Он стоит перед Павлом Павлычем взволнованный и озабоченный, с красными пятнами на лице. Он тяжело дышит, стараясь использовать все преимущества только что бежавшего к ящику:

— Павел Павлыч... Я к вам с просьбой... Еле дышу... Мамаша срочно уезжает на Дальний Восток... Надо проводить... Поезд ровно... от 11 до 7 вечера...

Павел Павлыч — добрый человек, но любит точность и аккуратность. Он раскрывает тетрадку. Ох, аккуратист!

— Мамаша у вас умерла в пятницу. В этот день, согласно записи, я дал вам отпуск. Затем... во вторник вы опять отпросились, сказав, что мамаша при смерти. Я тогда не заметил. Нехорошо, дорогой товарищ! А ну кто-нибудь придет меня проверить, — что я тогда скажу? А сейчас вы опять с мамашей... Во вторник — при смерти, а в четверг — уже гоп-ля... на поезд!

— Виноват...

— Что это в самом деле? Может быть, это не мамаша, а, например, брат?..

— Совершенно верно, Павел Павлыч... Как же! Срочно вызывают брата на Дальний Восток... Надо проводить...

— Так чего ж вы, в самом деле, пишете чепуху? Зачеркните в записке «мамашу», напишите «брат»...

— Крайне признателен, Павел Павлыч... Очень вас благодарю...

— И чтобы в следующий раз без описок. Чтобы ваш брат больше не уезжал на Восток!..

— Нет, что вы! Никким образом... Может быть, он у меня захворает и спешно умрет.

— Это можно. Только запомните: брат, а не мамаша.

И снова деловой человек кубарем катится к ящику, чтобы по уважительной причине превратиться из присутствующего в отсутствующего.

* * *

Впрочем, иногда обстоятельства складываются хуже.

Вдруг наступает роковое утро после того дня, когда по очередной уважительной причине (сумасшествие племянника) деловой человек прогулял весь день и пролясал ночь в приятной компании Марьи Романовны.

В это утро придти к финишу в срок не удается. Чистых двадцать минут опоздания!.. Кошмарные перспективы...

Не сбавляя темпа, наоборот, прыгая через три ступеньки, деловой человек мчится к Павлу Павлычу:

— Павел Павлыч... Я к вам... Случилось ужасное несчастье...

— Мамаша? Имеете в виду, она...

— Нет, не мамаша...

— Если брат, то он у вас...

— Нет, не брат, а я сам...

— Умерли? Это причина уважительная... Могу отпустить.

— Хуже... Опоздал на двадцать минут, и теперь, что будет?.. Павел Павлыч... Вся надежда на вас...

— Так-с... Не умерли, а опоздали?!

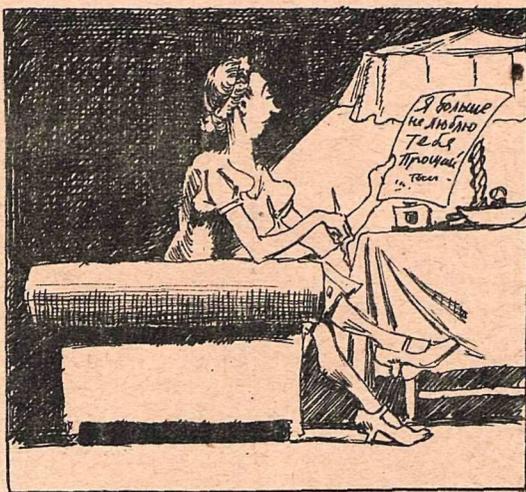
Павел Павлович — начальник добрый. Но, боже! Как сурово он умеет смотреть на провинившегося!..

— Что будет? Суд будет, дорогой товарищ. Вот что. Ничего хорошего не ждите. Ты все пела, это — дело, так пооди же и, згов... посиди!

— Павел Павлыч!..

— Ничего не могу. Служба службой. Кажется, никто вас за язык не держал: могли вчера отпроситься, вот бы и не опоздали.

— Я ж и отпросился на сумасшествие племянника.

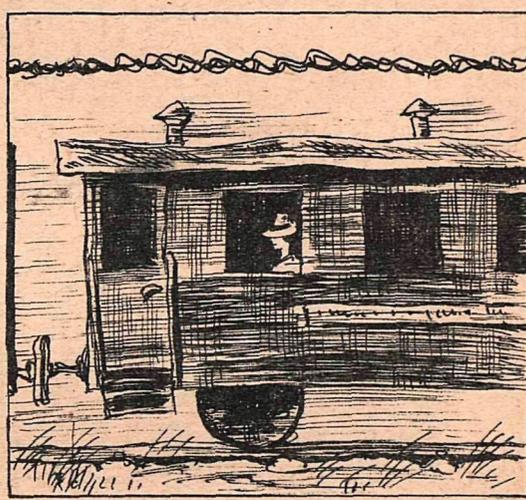
1. Она ему написала.

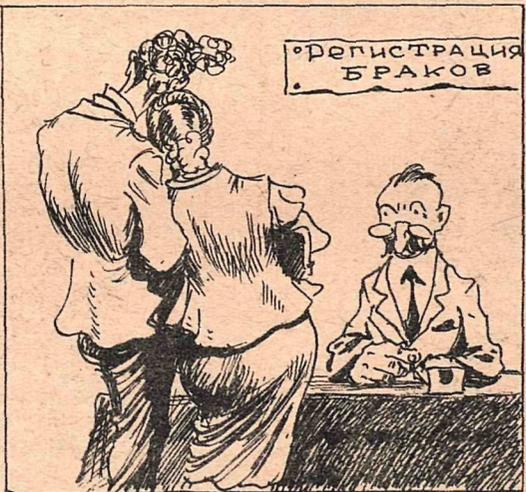
2.

3. Через полгода она, обливаясь слезами, поняла, что разрыв был ошибкой.

4. Еще через полгода она не выдержала и поехала к нему.

5. И они нашли свое счастье.

6. И через пять лет . . .
— Папа, тебе письмо!

* * *

— Могли бы на сумасшествие просить двухдневный отпуск, я б и разрешил. Нехорошо, дорогой товарищ!

Но тут грозное лицо вдруг расплывается в широкую добрую улыбку:

— Ну-ну, не пугайтесь. Авось и выкарабкаемся.

Павел Павлыч достает из стола объемистую заполненную папку. Вынимает из нее лист.

— Я все предвидел. Вот и документы на всех заготовил, на случай суда. Держите свою характеристику. Тут я вас расписал такими красками, что вам должно быть неловко перед судом: замечательный работник, добросовестный, безукоризненный, и все в таком роде. Покажете там, если потянут.

Но бывает на трудном пути делового человека так нехорошо, что хуже уже и не придумаешь.

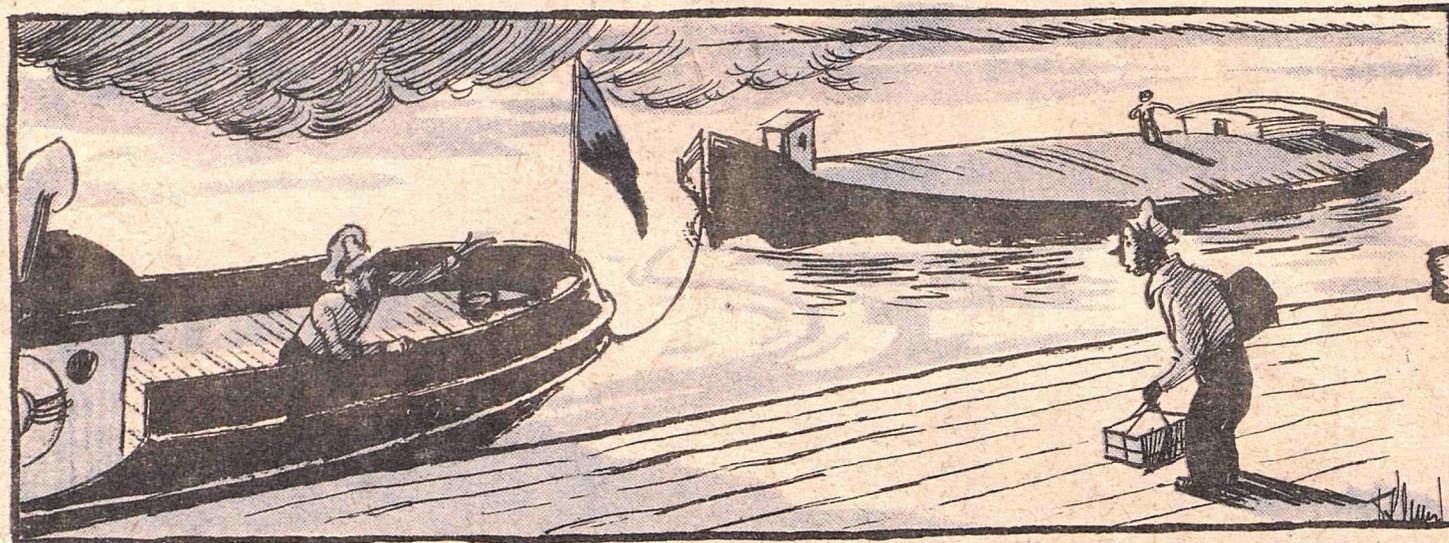
Однажды, запыхавшийся, он благополучно добегаем до ящика, несет дальше к Павлу Павлычу.

Но... Павла Павловича нет. И не будет: уволен. А тот, кто сидит на его месте, уже не хочет говорить ни о мамашах, ни о сумасшедших племянниках.

Все кончено! Отныне деловому человеку приходится после трудного утра начинать настоящий деловой день.

Ив. ПРУТКОВ.

Рис. Б. Клинка.

Когда был подан тоннаж,— груз был таким.

Когда был подан груз,— тоннаж был таким.

Антон-огородник

(БАСНЯ)

В деревне Нижний Брод
К Антону в огород
Повадилась ходить скотина.
Нет посетителям конца:
Корову выгонишь, глядишь:

пришла овца...

Чуть скроются рога, глядишь:

бредет щетина...

И целый день одна картина:

Какая-либо животина

На грядах у него

Непрошено гостит,

То свеклу чавкает,

То брюквою хрустит.

— А ты бы изгородь поправил! —

Антону как-то молвил Павел. —

Предотвратишь тем самым вред

И избежишь немалых бед!

— Да где уж, некогда, сосед!

Ты видишь: целый день с лозою

Гоняюсь за к-зою.

В морали скажем мы о том:

Сообразительный Антон

Еще имеет много сродников

Среди... отнюдь не огородников!

Влад. ИВАНОВ.

Законник Стрельцов

— Как разрешите постричь? — вежливо спросил нового клиента мастер, лязгая в воздухе ножницами, точно выстригая чьи-то невидимые чубы и бороды. — Бокс? А-ля-капуль? А-ля-фуршет?

— Прошу меня постричь юридически, — сухо ответил клиент. — В полном соответствии с законами.

— Будьте спокойны, — весело рассмеялся мастер, решивший, что клиент — большой остряк. — Мальчик, пенюар!

На этот возглас из недр магазина возникла старушка лет семидесяти с белоснежным халатом в руках.

Вскоре все парикмахерские процедуры были закончены. Странный посетитель встал, оглядел себя в зеркало и строго заметил:

— Придется вам отвечать в уголовном порядке за выпуск нестандартной продукции. Виски косят!

Он зашагал к выходу.

— Пойдите! — закричал мастер, перестав вдруг смеяться. — Какая продукция? Почему уголовный порядок?!

— Читайте приказ управляющего вашим трестом! — бросил на ходу посетитель. — Номер 92!

Немедленно же в ростовский трест коммунальных предприятий была снаряжена старушка-«мальчик». Посетители, ранее спорившие,

кому первому садиться в освободившееся кресло, стали наперебой уступать друг другу очередь. Всем было любопытно взглянуть на странный документ.

Вскоре копия приказа за подписью управляющего трестом Стрельцова ходила по рукам. Самым ударным пунктом приказа был пункт четвертый. При всяком случае недовольства клиента стрижкой или бритьем мастер в силу этого пункта подлежал преданию суду «согласно» указу об ответственности за выпуск недоброкачественной или нестандартной продукции.

В городе началась тихая паника. Там и сям все чаще стали появляться небритые и длинноволосые люди. Мастера опасались стричь и брить. Наконец, к Стрельцову была послана делегация за разъяснением и с требованием отмены нелепого пункта.

— К Стрельцову сейчас нельзя, — вежливо, но твердо сказал секретарь. — Он занят.

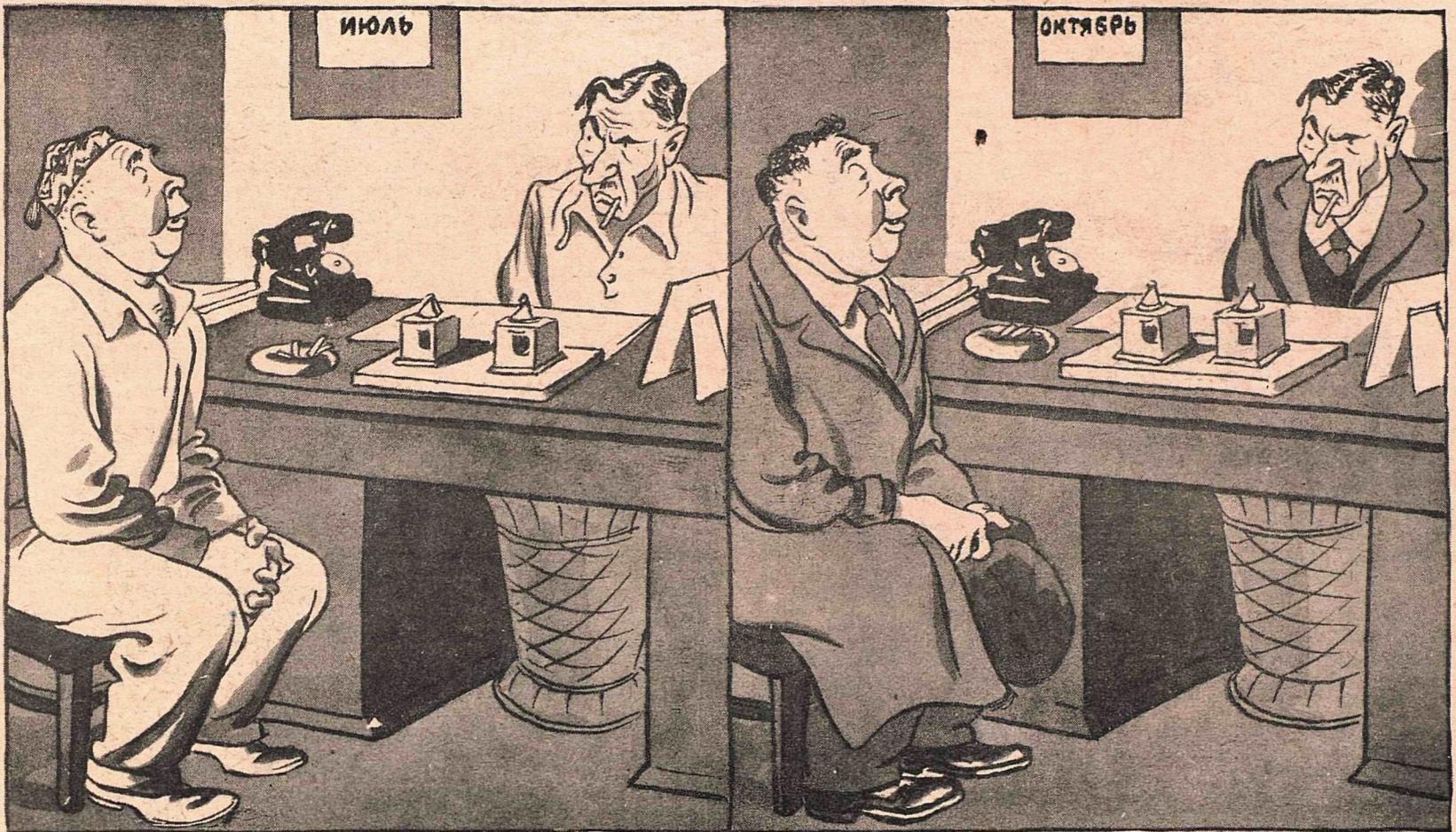
— Чем?

Секретарь вздохнул:

— Мешают ему сосредоточиться. Видите ли, он был в отпуску до 28 июня, а вернулся лишь 1 июля. И теперь требуют объяснений. Второй день никого не принимает, все сидит и ищет уважительной причины!

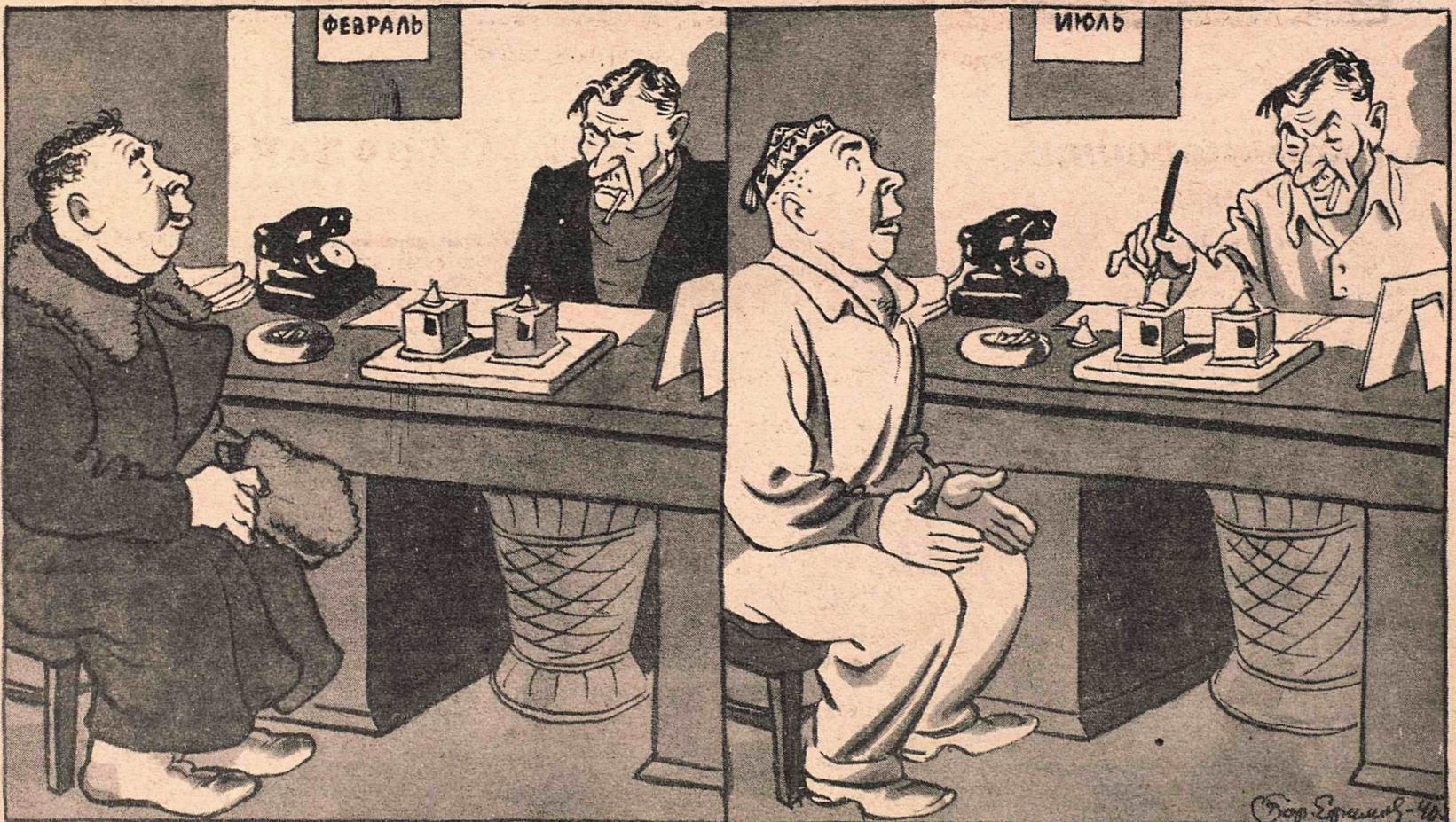
А. ШАМКОВИЧ

Ростов на Дону.

1. — Иван Федорович, вы не могли бы одолжить мне на два часа ваш велосипед.
— К сожалению, нет. Ведь я вас знаю всего две недели.

2. — Иван Федорович, дайте мне займа по соседству двадцать пять рублей. В среду отдам.
— Ну, что вы, дорогой мой! Ведь я вас знаю всего три месяца.

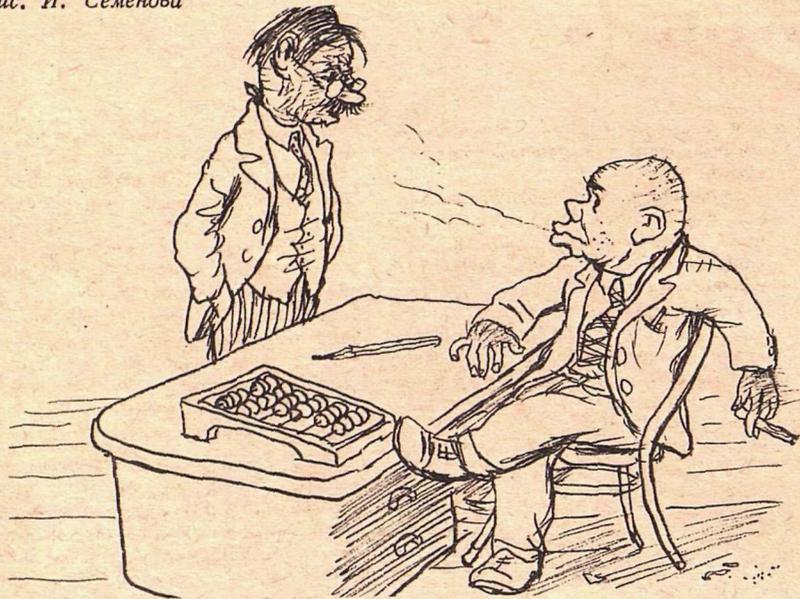

3. — Иван Федорович, устройте меня, пожалуйста, на службу в вверенном вам учреждении.
— Помилуйте, я этого не могу сделать. Ведь я знаю вас всего полгода.

4. — Иван Федорович, я к вам с большой просьбой: дайте мне рекомендацию в партию.
— С удовольствием, с удовольствием. Ведь я знаю вас уже целый год.

ЖЕЛЕЗНАЯ ЛОГИКА

Рис. И. Семенова

— В этом году вы опять повторяете прошлогодние ошибки!
— Не могу же я каждый год делать новые!

ВЫСОКОГОРНАЯ МЕЛОДИЯ

(Из курортного блокнота)

Субтропическим солнцем палимый,
По горам он ступал тяжело.
Чтобы стройным явиться к любимой,
Похудел он на восемь кило.
Но влюбленный за эту потерю
Получил возмещение вдвойне.
Дорогая шепнула: «Я верю
В ваше яркое чувство ко мне...»
Летний вечер был дымкой окутан.
У счастливица лицо расцвело,
И от радости в ту же минуту
Наверстал он все восемь кило.

В. ГРАНОВ

ЮНЫЙ БИБЛИОФИЛ

Рис. Д. Дубинского

— Какую же тебе дать книжку, мальчик?
— Которая потолще, тетенька: за нее больше дадут.

Рассказ в приказах

о том, как боец чимкентской
пожарной команды Ергешев
горел на работе

ПРИКАЗ № 53

По Городскому Управлению Пожарной охраны, 2 октября 1934 года, гор. Чимкент

Рядового тов. Ергешева за появление в нетрезвом виде на дежурство в ночь с 29-го на 30-е сентября с. г., ввиду чего был недопущен к работе и за дебош в то же время объявляю выговор с вычетом за прогул из зарплаты.

ПРИКАЗ № 63

от 20 ноября 1934 года

Пожарный 1-й категории т. Ергешев за систематическое появление в нетрезвом виде переводится в пожарные 2-й категории с окладом положенным по должности.

ПРИКАЗ № 21

от 16 апреля 1935 г.

Пожарного Горпожаркоманды Ергешева за неявку на очередное дежурство 14 апреля с. г. по причине пьянки подвергаю аресту на 2 суток с отбытием такового в дежурной смене не нарушая своих очередных дежурств.

ПРИКАЗ № 57

от 9 сентября 1935 года

Пожарный т. Ергешев за систематическое пьянство с 9 сентября с. г. увольняется. Бухгалтерии произвести окончательный расчет.

ПРИКАЗ № 77

от 4 декабря 1935 г.

Пожарного работника Ергешева, как подающего надежды на исправление с 15 ноября с. г. считать зачисленным в штат на должность пожарного 2-й категории с окладом положенным по должности.

ПРИКАЗ № 4

от 29 января 1936 г.

Пожарный 3-го отделения Ергешев за неявку на очередное дежурство 29 января по случаю пьянки с 29 января с. г. увольняется. Бухгалтерии произвести окончательный расчет.

ПРИКАЗ № 43

от 25 апреля 1939 г.

Гр-на Ергешева зачислить на должность бойца 1 разряда с 28 апреля 1939 года.

ПРИКАЗ № 61

от 15 июня 1939 г.

Бойца Ергешева с 13 июня 1939 года считать уволенным за опоздание на дежурство на 30 минут.

ПРИКАЗ № 86

от 23 сентября 1939 г.

Гр-на Ергешева Ж. зачислить в штат с 23 сентября 1939 года бойцом 2-й категории.

ПРИКАЗ № 100

от 29 ноября 1939 г.

Бойца Ергешева за пьянку и прогул с 28 ноября считать уволенным.

ПРИКАЗ № 46

от 1 июня 1940 г.

Гр-на Ергешева Дж. с 1 считать принятым в штат на должность бойца 1-й категории.

ПРИКАЗ № 59

от 25 июля 1940 года

Бойца 3-го караула Ергешева за невыход на работу 24 июля, чем самым сделал прогул 12 часов, что за Ергешевым замечалось и ранее, руководствуясь постановлением от 26 июня 1940 года, дело о прогуле Ергешева направить Горпрокурору, для привлечения к уголовной ответственности.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Четверо рабочих Палевидского леспромпхоза прогуляли двадцать шесть часов. Как и следовало ожидать, их предали суду. А народный судья второго Палевидского участка Злобин, как не следовало того ожидать, назначил слушание дела в рабочее время и вызвал, кроме прогульщиков, еще троих свидетелей. Итого семь человек не вышли на работу и прогуляли, следовательно, пятьдесят шесть часов, теперь уже на законном основании.

Объясни, пожалуйста, народному судье Злобину, что, во-первых, пятьдесят шесть, как это ни странно, больше двадцати шести и, во-вторых, клин не всегда вышибают клином.

И. ВАВИЛИН

с. Вильгорт, Коми АССР.

ОТ РЕДАКЦИИ: Дорогой тов. Вавилин! Спешим вас успокоить, что тов. Злобин не одинок в своих начинаниях. Народный судья 6-го участка Фрунзенского района Москвы Братенков слушал дело об оскорблении личности некоего Бугрова. По делу было вызвано с освобождением от работы восемнадцать свидетелей. Приговором суда оскорбителя оштрафовали в пятьдесят рублей. Спрашивается: во сколько обошелся государству «процесс»?

Дорогой Крокодил!

Я не из тех людей, которые легко поддаются отчаянию, но положение мое действительно почти безвыходное.

Я работаю уполномоченным по делам физкультуры и спорта по Маркакульскому району (Казахстан). Предоставленный самому себе, оторванный от крупных культурных центров, я, естественно, иду помощи в литературе, в различных пособиях по нашей специальности.

Вот я и обратился в областной комитет по делам физкультуры и спорта по Восточно-Казахстанской области (руководитель — тов. Семенов) с просьбой выслать мне книгу «Руководство по физкультуре в деревне». И что же? Вот приходит, наконец, по почте на мое имя пакет. Но в нем вместо долгожданной книги оказывается «Пушные звери Казахстана».

Написал я вторично в областной комитет. Объяснил досадную ошибку. Опять попросил нужное мне руководство. Снова прошло время, и вновь мне прибывает почтовая бандероль. Обрадовался. Дрожащими руками вскрыл пакет, а в нем опять не то, а обращение: «Граждане, истребляйте волков!»

Лозунг, что и говорить, правильный. Я к нему присоединюсь и всецело поддерживаю. Однако должен же тов. Семенов понять, что районные уполномоченные по делам физкультуры и спорта занимаются не волками.

Что же делать? Неужели бросать работу? Или написать еще раз? А что если я напишу, а мне пришлют «Поваренную книгу», или «Как отлучать рабёнка от

груди», или «Заочный курс западноевропейских танцев».

А то, может, и впрямь попросить Семенова выслать мне книгу «Кто такие клопы и как с ними бороться?», а он как раз вышлет руководство по физкультуре. Правда, я и сам не знаю, что делать. Посоветуй уж ты, Крокодил.

И. ИВАНЧЕНКО

с. Алексеевка, Казахстан.

Дорогой Крокодил!

Сотрудники Алапаевского отделения Госбанка (Свердловской области) — народ привычный. Какие только финансовые вопросы не ставились и не поднимались нами в процессе работы!

Но вот 9 августа нам пришлось туго.

В этот день управляющий отделением Госбанка тов. Сенцов специальным извещением собрал в свой кабинет к семи часам вечера сотрудников (исключительно мужской персонал) и торжественно возгласил примерно следующее:

— Я собрал вас, товарищи, чтобы сообщить вам приятное известие: к нам прибыл нестораемый ящик! Каковой ящик я предлагаю

вам взять со двора, поднять во второй этаж и поставить ребром в кабинете.

Ящик оказался весом около тонны. Мы пыхтели, кряхтели, но при всей своей квалификации банковских работников смогли только его слегка сдвинуть с места.

Сейчас мы очень смущены сомнениями. Очевидно, наша подготовка недостаточна, и, чтобы быть на высоте требований управляющего, необходимо срочное повышение квалификации.

Сообщи, дорогой Крокодил, на каких курсах мы можем переквалифицироваться в грузчиков?

**С. Я. ЛУКАНИН,
ЗЛОКОВОВ** и др.

кредитные инспектора.
Алапаевск

Дорогой Крокодил!

Хочу тебе сообщить об интересном случае «распада личности». Речь идет о начальнике Сарептской железнодорожной больницы, докторе Филиппе Ивановиче Кругляке.

Как он сам засвидетельствовал это в своем приказе № 212 по названной больнице, наш уважае-

мый доктор распался, прямо сказать, раскололся, на три части. Так, с 7.30 до 8.30 утра он начальник вверенной ему больницы, с 8.30 до 15.30 дня он заведующий хирургическим отделением той же больницы, а далее в продолжение 3½ часов он «экстренный хирург в ночное время»... Разумеется, каждому состоянию соответствует новая ведомость на заработную плату, в которой Филипп Иванович дважды в месяц оставляет на память кассиру свой автограф.

Как видим, доктор Кругляк уже сейчас раскололся на три куска. Пожалуйста, Крокодил, прими срочные меры, чтоб приостановить процесс дальнейшего «распада личности». Учти, дорогой, что сутки имеют ведь 24 часа, и легко представить себе, сколько еще ставок станет отрабатывать не в меру ретивый доктор, если ты не вмешаешься...

В. ЭРМАН

ст. Сарепта.

Дорогой Крокодил!

Наш город Каганович стоит на берегу Оки. За Окой живут рабочие Каширской районной электростанции и других предприятий, там же находится прекрасный (и единственный!) пляж.

Но самое главное, за рекой — основная база снабжения города сельскохозяйственными продуктами, дровами и пр.

Стало быть, через Оку нужен мост.

Такой мост (правда, плотовый) и перекидывался ежегодно. А сейчас моста нет.

«На берегу пустынных волн» стоят и перекидываются словами в великом раздумье нижеследующие уважаемые лица:

Горб, председатель исполкома Каширского райсовета,

Бичурин, председатель исполкома Кагановичского горсовета,

директор Каширской ГРЭС Такаканов,

управляющий конторой Мособлпищторга Панкин,

директор хлебозавода Фалин и прочие и тому подобные.

Стоят и не могут договориться относительно моста!

Е. КУРЕНКОВА,

депутат Кагановичского горсовета,

И. ВЕПРИНЦЕВ,

депутат Кагановичского горсовета,

начальник смены машинного цеха ГРЭС.

И. РЫБИН,

пропагандист-консультант парткабинета ГРЭС.

К. КУЛАКОВ,

сотрудник многотиражки «Энергия».

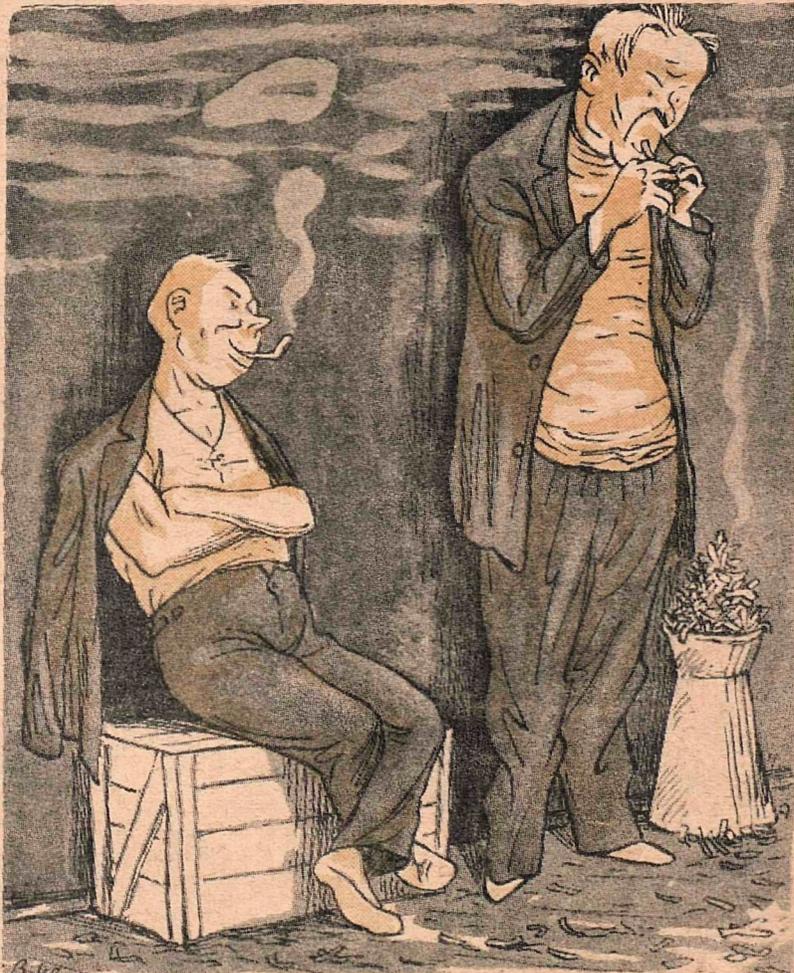
город Каганович,

Каширский р-н,

Московская область

НЕ ЩАДЯ ЗДОРОВЬЯ

Рис. Г. Валька

— Хорошо, что мы на час больше работаем, а то раньше я за семь часов никак не успевал накуриться.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц.

Изд-во «Правда».

А 32039. Москва. Изд. № 1048

Сдача текста и рисунков 25/IX 1940 г.

Подписано к печати 14/X 1940 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 3324. Тираж 271 000 экз.

Рукописи не возвращаются

— А миноносцы-то старые!
— Да мыза них острова тоже, слава богу, отдаем не новые.